

[01]

[Хост, я всё понял! Сейчас цель наиболее уязвима. Если ты появишься именно в такой момент, окружишь его заботой и теплом, ты станешь для него спасением! Станешь его путеводным светом!]

Система поспешила подбодрить подопечного:

[01]

[Хост, вперед! Я уйду в беззвучный режим, чтобы не мешать тебе! Удачи!]

01 пребывал в полной уверенности, что его хост — чистейшей души человек, обладающий поистине безрассудным мужеством. Идти прямо в логово зверя, приносить себя в жертву, чтобы накормить волка... Это наверняка растопит лед в сердце цели!

Лин Чжи слышал восторженные возгласы в своей голове, но ничего не ответил.

На самом деле его намерения не имели ничего общего с исцеляющим теплом или жалостью. Он не собирался смотреть на Мин Яо свысока, как на несчастного калеку, нуждающегося в утешении. Это был идеальный шанс.

«Воспоминания, выжженные в его сознании, причиняют ему невыносимую боль, заставляя раз за разом возвращаться к ним, — размышлял Лин Чжи. — Я вплету себя в эту канву. Теперь каждый раз, когда Мин Яо против воли вспомнит ту роковую дождливую ночь, перед его глазами неизбежно будет всплывать моё лицо».

Он сплетет для Мин Яо кокон из прекрасных грез.

«Стоит ему заикнуться на определенном фрагменте прошлого, как мозг услужливо подсунет мой образ. С каждым разом это наложение будет становиться всё плотнее, пока он окончательно не погрязнет в этом дурмане. Разве это не спасение — в своем роде?»

За окном неистовствовал ветер, заставляя деревья в саду стонать и раскачиваться. Крупные капли дождя с силой барабанили по стеклу, а вспышки молний, вспарывая облака, на мгновение заливали мир мертвенно-бледным светом.

В гостиной тревожно залаяла собака, но слуги, уже получившие инструкции, быстро увели Но-Но в свои комнаты. В коридорах царил полумрак, а воздух, казалось, насквозь пропитался влагой.

Лин Чжи поднял руку и вежливо постучал. Звук был едва слышным, почти неразличимым в грохоте бури.

Мин Яо не слышал стука. Он полулежал в постели, прикрыв глаза в тяжелой полудреме. Лицо его было бледным, почти прозрачным. Гром и молнии, визг шин, вгрызающихся в асфальт, оглушительный скрежет металла, крик матери, едкий запах горелого бензина и завывание сирен... Эта память пыталась сожрать его, раз за разом пропуская через пыточный круг.

Острая, пронзительная боль в ногах лишь усиливала мучения, будто повторяя тот момент, когда кости дробились под чудовищным давлением. Нервы были натянуты до предела.

В тот день, когда он пришел в себя, еще не пробило полночь. Отец стоял у его кровати — с пустым, безразличным взглядом, ставшим для него пугающе незнакомым.

— Твоя мать ушла, — произнес мужчина странным, плывущим голосом. — Поклонись ей.

Юноша помнил, что ему потребовалось время, чтобы осознать смысл этих слов. Сознание накрыло белой пеленой, оставив лишь звенящую пустоту. Мать лежала на соседней койке. Он отчетливо помнил, как перед аварией она обещала приготовить на ужин его любимое блюдо.

Секунды растягивались и искажались. Он помнил, как отец с силой стащил его на пол. Ноги взорвались болью, стойка для капельницы накренилась, и игла, вырвавшись из вены, оставила на руке кровавый след.

В тот день тоже лил сильный дождь. На лице матери были видны следы ран, но глаза её были закрыты, и выглядела она удивительно умиротворенной.

То, что было потом, стерлось из памяти. Кажется, приехали дедушка с бабушкой, начался какой-то спор... Голова раскалывалась, и он снова провалился в небытие. Когда он очнулся в следующий раз, всё казалось прежним, вот только ни отца, ни матери в палате не было. Бабушка сидела рядом, шепча, что это не его вина.

Тот знал — бабушка слышала вчерашние обвинения отца, потерявшего рассудок от горя. Если бы он не настоял на той прогулке, если бы не поехал играть с друзьями, несмотря на плохую погоду, мама не поехала бы встречать его, боясь, что он застрянет из-за ливня.

Горькие воспоминания, словно ржавая пила, терзали его разум, заставляя ощущать вкус жизни лишь через боль.

Скрип открывающейся двери заставил Мин Яо вздрогнуть. В комнату вошел юноша и начал медленно приближаться к постели. В груди мужчины вскипело глухое отторжение. Это не было направлено лично против Лин Чжи — в такие моменты он ненавидел любое присутствие. Боль — штука интимная, она не терпит свидетелей.

Он сдержался, чтобы не сорваться на крик, и произнес хрипло:

— Я сегодня никого не хочу видеть. Уходи. Немедленно.

В сполохах молний было видно, что глаза его налились кровью. Взгляд был резким, почти враждебным. Гроза сделала Мин Яо агрессивным; он жаждал одиночества. Он не хотел видеть Лин Чжи, не хотел его слышать, не желал ни близости, ни ласки. Только тишины. Если Лин Чжи сделает еще хоть шаг, мужчина не мог гарантировать, что не сорвется и не причинит ему вреда.

— Я пришел не потому, что это моя обязанность, — голос юноши, стоящего у кровати, был ровным и спокойным. — Я просто подумал, что ты можешь бояться грозы.

Фраза, которая в любое другое время прозвучала бы нелепо и даже оскорбительно, сейчас, под аккомпанемент громовых раскатов, подействовала на Мин Яо странным образом, умирив его гнев. Он вспомнил Но-Но, приносившую Лин Чжи свои игрушки, и в душе шевельнулось необъяснимое чувство, похожее на обиду. Столько дождливых ночей он провел один, и Лин Чжи ни разу не зашел к нему. Тот заботился о собаке, а о нем даже не спрашивал.

Эта тактика «ближе-дальше» сводила с ума. Казалось, юноше на него плевать, но при этом он говорил слова, которые могли принадлежать только ему одному.

— Можно мне остаться?

Лин Чжи задал вопрос, и его тело мелко задрожало.

— Господин Мин, мне холодно, — прошептал он почти неслышно.

Из-за полумрака и края кровати Мин Яо не видел, во что тот одет, но по голосу чувствовалось, что юноша и впрямь продрог. Слова отказа застряли в горле. Мужчина и сам не понимал, куда делось его недавнее раздражение. Это молчание стало знаком согласия. Лин Чжи откинул одеяло и забрался в постель, прижавшись к Мин Яо.

Тот коснулся его ладони — ледяной и мягкой — и почувствовал легкую дрожь его тела. Словно сорванный ливнем цветок, юноша отчаянно искал тепла. Боль в ногах никуда не делась, но мучительные видения прошлого под этим напором начали бледнеть, словно старые чернила.

Мин Яо не искал возможности отвлечься. Для него этот день всегда был своего рода поминовением, в котором он находил болезненное удовлетворение от самоистязания. Он знал, что должен холодно оттолкнуть Лин Чжи. Или, еще лучше, рывкнуть, что не боится никакой грозы, и выставить его за дверь.

Но тело не подчинялось приказам разума. Он кожей чувствовал, как руки Лин Чжи постепенно

согреваются.

— Мин Яо.

Лин Чжи впервые назвал его по имени. Он сел в постели, не выпуская руки мужчины из своей.

— С днем рождения.

На его лице не было радостной улыбки. Фраза прозвучала как простая констатация факта.

Мин Яо резко сжал его ладонь — с такой силой, что Лин Чжи не сомневался: он готов раздробить ему кости. Взгляд мужчины стал мрачным и тяжелым; в этой ледяной тишине копилась яростная буря. С той самой ночи, когда ему исполнилось семнадцать, он больше никогда не праздновал этот день.

Лин Чжи прекрасно знал, что ступил на минное поле. В этом и заключался его риск. Если бы Мин Яо оттолкнул его сейчас, это означало бы крах всего плана. Но он не оттолкнул. Хост долго ждал этого момента. Вся его предварительная подготовка, каждый шаг вели к тому, чтобы сейчас цель не смогла сказать «нет».

— Хочешь поцеловаться?

Несмотря на боль в запястье, на губах Лин Чжи заиграла улыбка. Он не принес подарка на день рождения, потому что подарком был он сам.

У юноши было удивительно красивое лицо — мягкое, лишённое всякой агрессии. Невинный взгляд, аккуратный нос и изящная линия губ располагали к себе с первого взгляда. Эта красота казалась беззащитной и чистой, и потому, когда он предлагал подобное, контраст был ошеломляющим.

Шум дождя становился всё громче, раскаты грома, казалось, вот-вот расколют небосвод надвое. Сердце Мин Яо сжалось так, что стало больно дышать. Мозг отказывался анализировать мотивы Лин Чжи, в ушах эхом отдавался лишь его голос.

«Хочешь поцеловаться?»

«Хочешь... поцеловаться?»

Жажда близости смела все преграды, привычное высокомерие пало под натиском этого желания. Благодаря своему положению Мин Яо привык смотреть на людей свысока; даже Лин Чжи поначалу не входил в круг тех, кого он воспринимал всерьёз. Но постепенно тот захватил его территорию, и Мин Яо, пытаясь сопротивляться, в итоге позволил себе утонуть в этом

чувстве.

Голос разума умолк, уступив место инстинктам.

Лин Чжи сел на него верхом. Ладонь Мин Яо легла на поясницу юноши, притягивая его ближе к себе. Это было собственническое, властное движение. Мужчина обнял его за затылок, жадно впиваясь в губы.

Хост был искусным ткачом, плетущим свои сети, но его добычей оказался вовсе не слабый противник. Впрочем, его это не пугало. Напротив, он испытывал почти болезненный восторг от этой жажды обладания. Вся его жизнь была расписана по часам и не терпела ошибок, и потому такая необузданность Мин Яо будоражила его до глубины души.

Только когда они оказались совсем близко, Мин Яо осознал, к чему тот подготовился. Вспышка страсти и бешеное сердцебиение окончательно затуманили рассудок, а боль в ногах придала происходящему особую остроту. Лицо мужчины по-прежнему оставалось холодным, но он, ощутив пальцами след на коже, вынес свой вердикт:

— Клубника.

Этот тон заставил Лин Чжи внутренне содрогнуться от предвкушения.

— Тебе нравится, господин Мин? — негромко рассмеялся он. — В следующий раз можем попробовать что-нибудь другое. Как насчет персика?

Жар этой страсти невозможно было потушить никаким ливнем. В этом темном, тонущем в шуме воды мире они сплелись воедино. На широкой футболке Лин Чжи был декоративный кармашек — в него едва ли влезла бы пачка салфеток, зато там отлично поместились два изделия от Durex.

Мин Яо крепко держал одну его руку, оставив на запястье багровый след. Затем он ослабил хватку, переплетая свои пальцы с пальцами юноши, и Лин Чжи пришлось свободной рукой доставать содержимое кармашка. Он закусил край упаковки зубами, собираясь её разорвать. Вспышка молнии на мгновение осветила его лицо. Спокойное, почти обыденное выражение в сочетании с тем, что он делал, могло свести с ума любого.

Впрочем, в итоге они им не понадобились. Лин Чжи после нескольких попыток обнаружил, что производитель прислал стандартный размер, который решительно не подходил Мин Яо. После короткого замешательства хост произнес:

— У меня есть электронная копия справки о здоровье...

Но мужчина не дал ему договорить, давая свой ответ.

Лин Чжи понял, что недооценил масштабы «проблемы», и вся его подготовка теперь казалась несколько наивной. Наверное, из-за травмы Мин Яо казался многим слабым и немощным, но реальность оказалась совсем иной. Капли пота стекали по белой шее юноши, взгляд его стал влажным и затуманенным, словно в глубине глаз расцветала весна.

За окном не переставая бушевала стихия, неустанно омывая землю. Тяжелые тучи превратили осенний день в глубокую ночь, стирая границы времени и пространства.

— Мин Яо...

Он снова назвал его по имени, и голос его был похож на влажный, теплый цветок. В каком-то смысле Лин Чжи был удивительно цельным человеком: когда он по-настоящему отбрасывал защиту, его искренность была так же осязаема, как и его притворство.

Сердце Мин Яо внезапно забилося чаще. Это было иное чувство — не тот яростный порыв, что заставлял желать поглотить и уничтожить. Теперь в груди теснилось нечто непривычное, чему он не мог подобрать названия. Он еще не знал, что это чувство называют «смущением» — в его мире для него почти не было места.

Стрелки часов неумолимо двигались вперед. Лин Чжи, обессиленный, закусил костяшку пальца. Взгляд его был сонным и ленивым; он предпринял слабую попытку отстраниться. Но добыча уже давно вырвалась из сетей, обратив охотника в пленника.

«И это при том, что у него ноги не двигаются», — подумал Лин Чжи, когда его снова развернули спиной, и слезы невольно покатались по щекам.

Мин Яо целовал его в затылок, и в его черных глазах читалось неосознанное, почти религиозное обожание.

Дождь лил несколько часов подряд и наконец затих, но ненадолго — вскоре снова послышались редкие капли. К вечеру видимость на улице стала совсем плохой. Мин Яо невольно потер ноющее колено и перевел взгляд на спящего рядом Лин Чжи. Кошмары, терзавшие его годами, на этот раз отступили. Казалось, даже сырой воздух дождливого дня наполнился тонким, сладким ароматом.

Мужчина думал, что этот порыв будет мимолетным, лишь разовым всплеском интереса, но он ошибся. Это было удивительное чувство полноты, когда эмоции затапливают сердце до краев, заставляя желать, чтобы время остановилось навсегда. В этот миг он даже начал понимать фанатичную привязанность своего отца.

«Это и есть любовь? Неужели я люблю его?»

Эта мысль крутилась в голове, вызывая странную легкость. Но самым прекрасным было то, что

Лин Чжи — его муж-супруга. Они связаны узами брака, и перед законом и моралью они — самые близкие люди на свете. Ему нужно не просто купить кольцо, нужна свадьба... Может быть, стоит сделать предложение по всем правилам? Эти мысли роились в голове, и, несмотря на боль в ногах, Мин Яо впервые в дождливый день крепко заснул.

Когда Лин Чжи проснулся, он еще долго сидел в кровати, пытаясь прийти в себя. На часах было три часа дня. Неужели он проспал так долго? Взгляд упал на мятую футболку, валявшуюся на полу. Он медленно поднялся, дошел до гардеробной Мин Яо, выбрал одну из его рубашек и, накинув её на плечи, не спеша вышел из комнаты.

Его мучила жажда и желание привести себя в порядок. В комнате мужа не было его вещей, поэтому имело смысл вернуться на четвертый этаж. Идти по лестнице было тяжеловато, поэтому хост, босой, вызвал лифт.

В кабинете Мин Яо, проводивший видеоконференцию, сделал знак «пауза» и отключил микрофон. Шло важное совещание, и он не хотел будить Лин Чжи, поэтому ушел работать в кабинет, не спуская глаз с монитора системы наблюдения.

Вид вышедшего из спальни юноши заставил сердце Мин Яо пропустить удар. Он испугался, что кто-то другой может увидеть его супруга в таком состоянии, но, заметив, что лифт остановился на четвертом этаже, с облегчением выдохнул.

Быстро завершив дела, мужчина спустился вниз. Перед дверью он в нерешительности поправил одежду. Сегодня он не поехал в офис и был в домашнем, на котором не было ни единой складки. Дверь открылась почти сразу. Лин Чжи стоял в пижаме, на его шее виднелись недвусмысленные отметины.

— Господин Мин, я одолжил твою рубашку. Верну, как только постираю.

Голос юноши был хриплым. Он лениво опустил на кровать и зевнул. Затем, едва заметно улыбнувшись, добавил:

— Кстати, вчерашний вечер был чудесным. Но давай уточним сразу: тот поцелуй был подарком на день рождения. Всё остальное — нет.

[01]

[Ой-ой-ой! Хост, ты что творишь?!]

Система была в замешательстве. Ей казалось, что миссия по спасению почти завершена: по логике вещей, хост должен был ворковать с целью, вдохновлять его своей любовью, чтобы тот

наконец встал на ноги. Сценарий явно шел не по плану.

Лин Чжи не ответил 01. Он знал, о чем думает система, но не собирался следовать привычным шаблонам.

«Любовь и поддержка — это слишком долго, — рассуждал юноша. — В конце концов, моя задача — заставить Мин Яо встать и вернуть ему вкус к жизни, верно? А кто сказал, что спасение — это только забота? Таким гордым людям, как он, нужен вызов, нужна цель».

На телефон Лин Чжи пришло уведомление о зачислении средств. Он взглянул на сумму и удивленно вскинул бровь.

— Пятьдесят миллионов? Господин Мин, кажется, это не та сумма, о которой мы договаривались.

— Я передумал. Десять миллионов за раз.

Мужчина понял, что не умеет красиво ухаживать, поэтому неуклюже пытался привлечь внимание Лин Чжи единственным доступным ему способом. Хост любил деньги, а денег у Мин Яо было в избытке.

— Что ж, тогда благодарю, господин Мин.

Лин Чжи не стал спорить и ослепительно улыбнулся. В комнате воцарилась тишина. Мин Яо с досадой осознал, что ему не о чем поговорить с мужем. Лин Чжи, не обращая внимания на присутствие мужчины, подошел к зеркалу и принялся замазывать отметины консилером. К счастью, прежний владелец тела оставил после себя богатый арсенал косметики. Закончив с маскировкой, юноша выбрал в шкафу закрытый костюм.

— Ты собираешься уходить? — спросил Мин Яо, чувствуя, как краснеет при взгляде на его шею.

— Да, господин Цзи пригласил меня на мюзикл. Хорошо, что дождь наконец кончился.

Лин Чжи последний раз оценил свое отражение и, удовлетворенный результатом, кивнул. Мужчина невольно вырвалось:

— Может, не пойдешь?

— Господин Мин, мы договаривались не вмешиваться в личную жизнь друг друга.

Подтекст был ясен: «Ты берешь на себя слишком много».

Мин Яо оставалось лишь бессильно наблюдать, как его муж-супруга, еще хранящий следы их страсти, уходит на встречу с другим мужчиной. Он хотел схватить Лин Чжи за руку, но тот ушел слишком быстро, и пальцы мужчины сжали лишь пустоту.

<http://bllate.org/book/15821/1428434>